

СЛЕЗЫ В ПУСТЫНЕ

Режиссер Бернардо Бертолуччи

Большой, тихий с виду человек: руки, как у ребенка, в непрерывном движении. Он говорит:

— Знаете, пустыня, это не пустыня, это всего лишь метафора.

Бесполезна даже попытка возражения. Бернардо Бертолуччи решительно зол. Начиная с «Prima della rivoluzione», своей первой полнометражной работы, Бертолуччи оградился от попыток исследования судорог бытия конца нынешнего столетия в Европе.

— Со времен «Последнего императора», — признается он, — я не желаю изучать Италию, более того, и саму Европу. Почему? Потому что раздражен этим спектаклем, разыгрываемым европейским обществом. Оно же изнемогает, придавленное монокультурой, как дорожным катком! Оно же не обнаруживает никаких противоречий! Однако богатство мира — это богатство культуры, не так ли? Поэтому я ушел в пустыню.

Иными словами, Бертолуччи экранизировал популярнейший роман П. Буля «Чай в Сахаре». Книга, которую отшельник Танжера (Буль пробыл в Марокко до конца 50-х годов) отказался признать своей «перелицованной» биографией. Кто действующие лица романа? Американка и ее друг. Они прибывают в Северную Африку за день до начала второй мировой войны. Что они хотят обрести на этой чужой земле? Спасаются бегством от мира и от своей же Америки, мишурной, крикливой, сытой до тупости. Но их кругосветное путешествие не более чем обман. Тщетно бежать от своего «креста»: его надлежит нести, даже если он залит кровью и полон отчаяния. Убегающий всегда попадает в пустыню. Вернее, в пустоту.

— Я не хотел «переписывать» на экране это повествование, — говорит режиссер. — Да и невозможно переписать ощущения, состояния, мысли. Я не настаивал на «громкой» психологической драме героев, Кэт (Дебора Уингер) и Порты (Джоан Малковиш). Я хотел, чтобы их лица, кожа, глаза, пот, их слезы стали чем-то сильнее слов, хотя и беззвучнее.

Для этого и выбраны крупные планы: медленно-ленивые наезды камеры, скрывающейся в бескрайних дюнах или среди каменных плато. Бездонный уголок Вселенной, где обречена на забвение живая душа. В ис-

тории Кэт и Порты нет ни любви, ни неудач, ни надежды, они волей-неволей связаны до конца дней своих в этом океане песка. Нет возврата к прошлому. Нет ничего для будущего. Это хроника необъявленной смерти. Утомительного и тягучего распада личности, похожего на горстку песка, просачивающуюся сквозь пальцы. Похожего на тень, волочащуюся за своим хозяином. И только когда Порт умирает от брюшного тифа, Кэт внезапно ощущает, что еще что-то, может быть, получится изменить.

— Я сам себя спрашивал, — рассказывает Бертолуччи, — откуда же у Буля в финале романа после всей этой боли и всей этой горечи берется утешение? Его негде взять. И поэтому у меня совсем другой конец. Моя Кэт становится главной героиней повествования, у которого никогда не было смысла, никогда не будет конца.

Автор «Конформиста» и «Последнего танго в Париже» отвергает обвинения в притворном романтизме.

Бертолуччи вспоминает:

— Когда мне было 22—24 года, я каждый вечер ужинал с Альберто Моравиа, Эльзой Моранте и Пьером Пазолини. Эти вечерние посиделки стали моим безумием и моими университетами. За ужином ругались постоянно. Я за все время не проронил ни слова. Но не потому, что мне совсем нечего было сказать, просто я слушал. Я слушал, а они все ругались. Особенно Моравиа и Моранте. Эльза оказывалась восхитительно смекалистой. Пазолини кричал и спорил не меньше, к тому же он обожал нас всех веселить. Он все время говорил: «Кино — это реальность. Но реальность, написанная от третьего лица».

Какие настроения испытывает сегодня Бертолуччи? Что думает о своем кино, блистательном, но спорном, и о своих друзьях, многие из которых уже покинули его?

— Мои друзья не покинут меня никогда. Их тела преданы земле, и материально я друзей не ощущаю. Это и впрямь некоторая их измена мне. В то же время они со мной. Я говорю с ними...

Его спрашивают: «Память о других. Это что-то, похожее на кино?» Он отвечает без колебаний:

— Нет, это и есть само кино.

(По материалам зарубежной печати).